

АНАЛИЗ ИРАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1978—1979 ГГ. В СОВЕТСКОЙ ВОСТОКОВЕДНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ОБЗОРЫ

В. И. МАКСИМЕНКО

Советская литература по иранской революции 1978—1979 гг. насчитывает более двух десятков серьезных работ, опубликованных в 1979—1986 гг.¹, однако до сих пор многие важные аспекты этой революции остаются спорными и даже загадочными. Предлагаемая читателю обзорная статья не претендует на исчерпывающее обобщение всего написанного советскими учеными по данной теме; ее цель — попытаться полнее выявить те новые вопросы, которые поставило перед наукой это «уникальное явление последней четверти XX века»².

Вышедшие в свет за последние семь лет работы обнаруживают несогласие их авторов в основополагающих оценках предмета: была иранская революция буржуазной или нет? была ли она исламской? что сделало «тысячелетнюю империю» шаха колоссом на глиняных ногах? кто нанес решающий удар шахскому режиму — люмпены, пауперы и сельские мигранты или же организованный рабочий класс крупных промышленных предприятий? что произошло с революционностью и «прогрессивными потенциями» духовенства? в чем трагедия левых сил Ирана? Более того, у нас не сложилась историографическая традиция анализа иранской революции: едва ли не каждая новая точка зрения выражает себя так, словно до нее иных, в том числе противоположных, точек зрения не существовало, а очередной поворот в политике Исламской Республики Иран: погружает в небывшие оценки двух-трехлетней давности. И беда не в том, что изменение хода событий заставляет менять оценки (это как раз нормально), — беда в том, что вчерашние оценки рассматриваются зачастую как подлежащие не преодолению научной критикой, а забвению, игнорируются, как если: бы их не было вовсе.

Приведу один выразительный пример. В 1982 г. Р. А. Ульяновский полагал, что шиитское духовенство, хотя и боровшееся за свои привилегии, выступало тем

не менее «от имени всех традиционных, полутрадиционных и маргинальных слоев (а также части современного промышленного пролетариата), заинтересованных в свободном и независимом развитии страны». В результате лозунги «исламской революции» «могли стать и действительно стали знаменем общенациональной борьбы против внутренней и внешней реакции»³. Через три года, в 1985 г., тот же автор пришел к совсем другому выводу: духовенство в Иране было «консервативным», ему удалось «застопорить социальную революцию», в этом и состоял его «глубокий и коварный замысел», так как на самом деле духовенство было связано с «буржуазным бизнесом и крупным землевладением»⁴.

В 1982 г. Р. А. Ульяновский считал, что в иранской революции «религия выступала в качестве организационной и идеологической основы всенародного стремления к свободе»⁵. В 1985 г. суждение автора о том же предмете сменилось на противоположное: родившийся в революции «дух свободы» был «скован цепями, имя которым — мусульманский фанатизм»⁶. Из статьи 1982 г. явствовало, что после отставки Базаргана в Иране противоборствовали две линии: сторонников «преимущественного использования достижений революции в интересах торгово-предпринимательской буржуазии» и «наиболее последовательных представителей так называемого народного течения ислама»⁷. В 1985 г. об этом уже не было речи: после отставки Базаргана, писал Р. А. Ульяновский, в Иране «единовластно утвердился политический деспотизм»⁸.

Каковы бы ни были затруднения, возникающие при попытках разобраться в имеющем место разное оценок, постараюсь все же зафиксировать и сгруппировать основные из сложившихся в советской литературе взглядов по следующим вопросам: 1) причины революции и ее характер; 2) роль шиитского духовенства; 3) судьба левых сил.

Как известно, термин «исламская революция» был выдвинут и введен в обращение Хомейни в первые дни после февральской победы. Советские исследователи резко расходятся относительно правомерности употребления этого термина. Так, С. М. Алиев уже в 1980 г. выступил с критикой тезиса об «исламском характере» революции как ошибочного в своей основе: массовые выступления иранских трудящихся, писал он, «расчищали дорогу для демократии», были направлены против развития «по западному образцу»⁹. Однако в то же время С. М. Алиев считал, что уже к осени 1978 г. шиитскому духовенству в Иране удалось стать «призванным гегемоном народного движения»¹⁰. Мнение о том, что революция в Иране не была исламской, разделял и М. И. Крутихин, очевидец и исследователь тегеранского восстания, отмечавший, что лозунг «Смерть шаху!», практически единственный политический лозунг восстания, объединил и сплотил всех¹¹.

Характеристику революции 1978—1979 гг. как исламской наиболее последовательно отстаивали А. Б. Резников и С. Л. Агаев. «Интегрирующей идеологией революции, — писал А. Б. Резников, — был ислам; политическое руководство ею осуществляло шиитское духовенство; лозунгом революции был „справедливый исламский строй“; главной организационной ячейкой, где массы проходили идеологическую и политическую подготовку в антирежимном духе, была мечеть; политические организации буржуазии открыто признавали гегемонию духовенства — все это дает основания к тому, чтобы считать: в Иране произошла „исламская революция“»¹².

В этой же связи А. Б. Резников обосновывал и другую свою позицию: иранская революция 1978—1979 гг. не была буржуазной. Вот его аргументация: «Развитие Ирана по буржуазному пути отнюдь не ускорено в результате этой револю-

¹ См. например: С. Л. Агаев. Иран: рождение республики. М., 1984, 336 с.; *он же*. Иранская революция, США и международная безопасность. М., 1984, 278 с.; *он же*. Левые силы исламской революции в современном Иране. — Революционная демократия и коммунизм Востока. М., 1984, с. 331—372; *он же*. О попытках осознания «исламской революции». — Азия и Африка сегодня. 1984, № 5, с. 27—31; *он же*. Зигзаги иранской революции. — Вопросы истории. 1985, № 1, с. 43—59; С. М. Алиев. Антимонархическая и антиимпериалистическая революция в Иране. — Народы Азии и Африки. 1979, № 3, с. 45—57; *он же*. Иранская революция 1978—1979 годов и рабочий класс. — Рабочий класс в современном мире. 1980, № 5, с. 104—111; С. М. Алиев. Проблемы политического развития Ирана. — Азия и Африка сегодня. 1980, № 11, с. 15—19; А. Арабаджян. Иранская революция: причины и уроки. — Азия и Африка сегодня. 1986, № 3, с. 32—36; № 4, с. 19—22, 38; Е. А. Дорошенко. Шиитское духовенство в современном Иране. М., 1985, 229 с.; М. М. Крутихин. Тегеранское восстание 9—12 февраля 1979 года. — Иран: история и современность. М., 1983, с. 152—170; А. Б. Резников. Иран: падение шахского режима. М., 1983, 160 с.; Д. Е. Скляр. Становление новых органов власти в Иране. — Иран: история и современность. с. 197—218; Р. Ульяновский. Иранская революция и ее особенности. — Коммунист. 1982, № 10, с. 106—116; *он же*. Судьба иранской революции. — Коммунист. 1985, № 8, с. 104—110; А. Л. Шестаков. Политическая роль младшего офицерства в иранской революции (на примере иранских ВВС). — Иран: история и современность, с. 210—229; и др.

² С. Л. Агаев. Иран: рождение республики, с. 18.

³ Р. Ульяновский. Иранская революция и ее особенности, с. 108.

⁴ Р. Ульяновский. Судьба иранской революции, с. 109.

⁵ Р. Ульяновский. Иранская революция и ее особенности, с. 110.

⁶ Р. Ульяновский. Судьба иранской революции, с. 104.

⁷ Р. Ульяновский. Иранская революция и ее особенности, с. 112.

⁸ Р. Ульяновский. Судьба иранской революции, с. 108.

⁹ С. М. Алиев. Иранская революция 1978—1979 годов и рабочий класс, с. 108.

¹⁰ Там же, с. 107.

¹¹ М. И. Крутихин. Указ. соч., с. 170.

¹² Л. Б. Резников. Указ. соч., с. 155.

ции, буржуазия отнюдь не пришла к политической власти, да она и не осуществляла политического руководства революцией. Кроме того, идеология революции содержала на массовом уровне гораздо более мощный социальный заряд, гораздо более явный порыв к социальным изменениям, к переустройству общества, чем это бывало в буржуазных революциях прошлого»¹³.

Итак, согласно А. Б. Резникову, иранская революция не буржуазная, а пародная, гегемоном же ее выступило духовенство. Одновременно или несколько раньше сформулировал свою точку зрения С. Л. Агаев. Будучи убежден, что эта революция и исламская и народная, он вместе с тем считает, что она еще и буржуазная (буржуазно-демократическая)¹⁴. Позже С. Л. Агаев прояснил свою позицию дополнительным разграничением: исламская революция «по форме» и «по содержанию». По форме революция в Иране была исламской в 1978—феврале 1979 г., по содержанию стала таковой в ходе событий 1979—1983 гг., когда иранское духовенство «полностью закрепило свою государственную монополию в форме первой в мире шиитской теократии»¹⁵.

«Самую важную особенность современного иранского революционного феномена» С. Л. Агаев усматривает в том, что буржуазное социальное содержание революции «реализовывалось в борьбе не двух, а трех начал»: либеральной буржуазии, духовенства и трудящихся масс. Сразу же после февральской победы, писал он, революция, увлекаемая ее гегемоном — духовенством, вступила в полосу затяжного кризиса, на третьем этапе которого (после устранения президента Банисадра) исламская революция «в полной мере обнаружила свою буржуазную социальную сущность», и это уже была «буржуазная контрреволюция»¹⁶. Таким образом, превращение революции из исламской «по форме» в исламскую «по содержанию» парадоксальным образом совпало с полным обнаружением ее буржуазной сущности (до тех пор неявной) и перерождением в контрреволюцию.

• Несколько по-иному сформулировал свою позицию Л. Е. Скляр. Он стремился показать, что «уже... несколько месяцев спустя после победы революции вполне проявилась генеральная линия религиозных деятелей: господствовать над буржуазией политически, но не лишать ее возможности воспроизводить свое экономическое господство»¹⁷. Позицию Л. Е. Склярова отличало от других то, что он последовательнее стремился выделить «сложные отношения противоборства и сотрудничества»¹⁸, развивавшиеся одновременно в двух пересекающихся планах: во взаимодействии духовенства и крупной иранской буржуазии, во-первых, духовенства и трудящихся масс, во-вторых. Диалектику этого «противоборства-сотрудничества» Л. Е. Скляр пытался проследить и анализируя производимую Хомейни ревизию шиизма¹⁹, и характеризуя «базар»²⁰, и описывая острую внутривластную борьбу по коренным вопросам распределения власти и собственности в послереволюционном Иране (в связи с законопроектами о национализации внешней торговли и о разделе помещичьих земель)²¹. Однако общие выводы Л. Е. Склярова соответствуют широте его взгляда на текущую историю Ирана, будучи беднее и внутренне противоречивее им же проведенного конкретного анализа. Выводы эти сводятся к тому, что шиитское духовенство стоило «на страже интересов крупных земельных собственников» и «крупного частного торгового капитала», имея при этом целью «обладание всей полнотой государственной власти ради удовлетворения своих собственных религиозно-корпоративных интересов» и используя в качестве средства «привлечение на свою сторону мелкобуржуазных масс»²².

¹³ Там же, с. 156.

¹⁴ См., например: С. Л. Агаев. О понятии и сущности «исламской революции».

¹⁵ Там же, с. 27—31.

¹⁶ Там же, с. 31.

¹⁷ Л. Е. Скляр. Указ. соч., с. 200.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, с. 198.

²⁰ Там же, с. 206.

²¹ Там же, с. 216.

²² Там же, с. 216, 217.

Завершая группировку взглядов на характер иранской революции (исламская — не исламская, буржуазная — не буржуазная), сложившихся в советской литературе, приведу еще две оценки. Они более поздние (1986), но время, похоже, не помогает спору разрешиться истиной, и факты об иранской революции одинаково исправно служат всем точкам зрения.

Так, В. Г. Хорос в рецензии на книгу С. Л. Агаева укоряет последнего в том, что тот по мере развития иранских событий «начинает... смещать их оценку в сторону „буржуазности“ иранской революции». Это, по мнению рецензента, ничем не оправдано: «Мушукратия создавала в стране обстановку, мало благоприятствующую функционированию буржуазного хозяйственного механизма и обеспечению прав частной собственности. В политическом же плане ничего „буржуазно-демократического“ (кроме свержения монархии, замененной диктатурой теократии) революция в Иране не дала»²³.

Итак: ничего буржуазно-демократического революция не дала. Сравним это мнение с точкой зрения А. З. Арабаджяна. «Время, — пишет он, — прошедшее после революции 1978—1979 гг. в Иране, не оставляет сомнения в том, что широким массам она по существу ничего не дала — но крайней мере сравнительно с дореволюционным периодом». Тот же, что и у В. Г. Хороса, мотив — революция «ничего не дала», — но в ином смысле. Как до, так и после свержения монархии, отмечает А. З. Арабаджян, «наиболее сильным» классом в стране «была и остается буржуазия», шиитские же богословы, выступив гегемоном революции, узурпировали ее плоды в своих сословно-корпоративных целях. Из всего этого следует: «Революция 1978—1979 гг. в Иране — это исторический факт; „исламский режим“, представляющий собой теократическую диктатуру с капиталистическим содержанием, занявшую место монархии Пехлеви, — тоже исторический факт; а вот „исламская революция“ — это всего лишь ярлык»²⁴. Но если революция широким массам «ничего не дала», если буржуазия в Иране чем была, тем и осталась, а теократия просто «заняла место» шахской диктатуры, специально наполнившись для этого «капиталистическим содержанием», то в чем же тогда, согласно А. З. Арабаджяну, уроки революции?

По крайней мере один из них он формулирует так: уровень развития капитализма и зрелость пролетариата создавали «объективную основу для вступления страны на путь подлинно прогрессивных преобразований», однако помешало этому «глубокое несоответствие субъективного фактора объективному». В результате «трудящиеся, и в первую очередь пролетариат, упустили уникальную возможность направить общественное движение страны в русло подлинно антиимпериалистического и демократического развития»²⁵. Но и этому заявлению не хватает ясности: в случае зрелости противоречий капиталистического общества и главного революционного класса этого общества «путь подлинно прогрессивных преобразований», на который указывает А. З. Арабаджян, должен, видимо, означать социалистическую революцию, однако этого в статье прямо не сказано. Поэтому трудно понять, что же для автора служит критерием «подлинности» вышеупомянутых прогрессивных преобразований. Недостает здесь и расшифровки «субъективного фактора», который объявляется (как это бывает всегда, когда эйфория уступает место разочарованию) «несоответствующим» объективным условиям. Но, опять-таки, как понимать данное несоответствие, если пролетариат и по месту в социальной структуре, и по способности нанести забастовками «решающий удар по монархии»²⁶ был, как будто на высоте? Кем же тогда, как и почему была упущена эта «уникальная возможность» (если она действительно существовала) — возможность, если называть вещи своими именами, перевести одну из грандиознейших демократических революций века и революцию социалистическую?

²³ В. Г. Хорос, [Рец. на:] С. Л. Агаев. Иран в прошлом и настоящем. М., 1984; *он же*. Иран: рождение республики. М., 1984; — Вопросы истории. 1986, № 6, с. 124.

²⁴ А. Арабаджян. Указ. соч. — Азия и Африка сегодня. 1986, № 4, с. 22, 38.

²⁵ Там же, с. 8В.

²⁶ Там же.

Обратимся теперь к оценке теми же авторами причин и главных движущих сил революции. Здесь есть по крайней мере два важных пункта, относительно которых согласны все: 1) осуществлявшаяся «снизу» революция 1978—1979 гг. была ответом и реакцией на проведенную «сверху» «белую революцию» шаха; 2) гегемоном народной революции выступило духовенство.

Наиболее лаконично причинно-следственную связь событий в иранской революции определил С. Л. Агаев: «Противодействие шахской политике ускоренной капиталистической трансформации иранского общества по западному образцу»²⁷. Иран, — писал он, — яркий пример того, как «широчайшие массы стран Востока отвергают навязываемые им пути буржуазной социальной модернизации и вестернизации их самобытного жизненного уклада»²⁸.

Иначе акцентирует связь между «белой революцией» и революцией 1978—1979 гг. А. З. Арабаджян. Если С. Л. Агаев делает упор на отрицание «буржуазной модернизации», то А. З. Арабаджян видит в антимоноархической революции прежде всего свидетельство «резкого обострения специфически капиталистических противоречий». Однако и резкость обострения, и перешагивание «целой совокупности задач... которые обычно решаются в ходе буржуазно-демократической революции», отнюдь не стали «показателем пределов и возможностей капиталистического развития Ирана»²⁹.

Все авторы, говоря о причинах революции, обращают внимание на экономические диспропорции, возникшие в результате форсированной модернизации, углубление социального неравенства, коррупцию в государственном аппарате, гнет диктатуры, произвол полиции и т. п. Но, как справедливо подметил А. Б. Резников, такое бывало и в других странах, однако революции там не происходили.

Более того, шахская модернизация, «несмотря на устрашающую цену — чужие человеческие жизни»³⁰, с точки зрения развития производительных сил явилась прогрессом. На стороне этого прогресса была могущественная власть. Так почему же все-таки, спрашивает А. Б. Резников, произошла «осечка»?

Вопрос очень важен. Сам А. Б. Резников ответ на него связал с выяснением роли иранского духовенства, выделив такие черты шиитской доктрины, как анти-тираническое и жертвенное начало. «В духовном коде шиизма, — писал он, — заложена ненависть к тирану. . . Иранская революция не была бы столь яростной, поведение масс в ней не было бы столь беззаветным, если бы не потрясающей силы демонстрация уважения к павшему в борьбе за справедливое дело, если бы не стремление принять мученический венец»³¹.

«Духовенство, — отмечает также и С. Л. Агаев, — пришло к руководству революцией в Иране не только потому, что смогло заполнить политический вакуум. . . не только потому, что смогло дать движению организацию и анти-тираническую идеологию, но и главным образом потому, что Л. силу своего специфического положения смогло на том этапе наиболее полно, решительно и последовательно выразить те потребности революционной борьбы, которые вытекают из объективного общественного бытия и субъективных социальных устремлений традиционных слоев»³². Хомейни всегда апеллировал в первую очередь к самым неумирующим и обездоленным, к массе «потерявших доверие к посулам шаха и к вводимому им буржуазному прогрессу на западный манер». Хомейни «говорил на их языке» — они были его обездоленными³³.

По данным Е. А. Дорошенко, к 70-м годам в Иране насчитывалось 180—200 тыс. человек, которые могли быть отнесены к духовенству высших, средних и низших ступеней и составляли иерархическую и широко разветвленную структуру³⁴. Будучи особым сословием (корпорацией), духовенство монополизировало

²⁷ С. Л. Агаев, О понятии и сущности «исламской революции», с. 27.

²⁸ Там же.

²⁹ А. Арабаджян. Указ. соч.—Азия и Африка сегодня, 1986, № Я, с. 33, 35.

³⁰ А. Б. Резников. Указ. соч., о. 140.

³¹ Там же, с. 19.

³² С. Л. Агаев. Иран: рождение республики, с. 331.

³³ Там же, с. 310.

³⁴ См.: К. А. Дорошенко. Указ. соч., с. 16.

толкование Корана и канонического мусульманского права, проповедь веры от столицы до самых отдаленных селений, обучение в мактабах, медресе и богословских центрах Кума и Мешхеда, попечение о мечетях и других религиозных учреждениях, управление вакфами (завещанным на благотворительные цели имуществом, которое не подлежит ни отчуждению, ни обложению налогом) и др.

Шиитское духовенство в Иране традиционно имело независимые от государства и ревниво оберегаемые источники доходов. С конца XIX в. верхушка духовенства заняла прочное место среди крупных земельных собственников и торговой буржуазии страны, располагая такой сословной привилегией, как занятия любой деятельностью беа обложения ее налогом. Многие муджтахиды (высший слой шиитских богословов) создавали вокруг себя «частные армии», состоявшие из студентов-теологов и мулл. Именно по этому принципу, считает Е. А. Дорошенко, в послереволюционном Иране были созданы отряды пасдаров и Корпус стражей иранской революции³⁵.

Отмечая неоднородность шиитского сословия, связь его верхушки с крупнособственническими интересами, Е. А. Дорошенко в то же время подчеркивает, что наиболее многочисленная часть духовенства (муллы и предстоятели на молитве городских квартальных и сельских мечетей), не имея крупных земельных владений и других солидных источников дохода, тесно соприкасались с городскими низами и крестьянством, во многом жили их жизнью, образуя, таким образом, связующее звено между шиитской верхушкой и массой иранского населения³⁶.

Что же толкнуло это авторитетное, влиятельное и консервативное сословие с развитыми традициями на позиции политического лидера революции? Шахская аграрная реформа, резко ограничившая помещичье землевладение и лишившая духовенство прежних прав на вакфные земли (которые были распределены среди крестьян), нанесла ощутимый удар по имущественным интересам всего сословия. Серьезным ударом было и создание в 1971 г., в соответствии с шахским фирманом, Корпуса веры, членом которого шах, ненавидевший «черную реакцию» (духовенство) едва ли не больше, чем «красную революцию», называл «муллами модернизации» и которые призваны были осуществить перехват традиционного влияния шиитской верхушки³⁷.

Однако самым важным в выдвижении духовенства на позиции революционного лидера была, как пишет А. Б. Резников, попытка шахского режима «подавить ту живую религию-идеологию, которая питала духовенство»³⁸. Удар «белой революции» по традиционному духовному сословию явился реальным ударом по важнейшим устоям народной жизни. Условия, в которых духовенство сохраняло силу и авторитет, являлись «как раз теми условиями (разрядка моя. — В. М.), которые для огромного большинства населения Ирана были субъективно и объективно гораздо более приемлемыми, чем прокламируемая гаахом „великая цивилизация“»³⁹.

Эта связь между авторитетным в массе народа духовным сословием и условиями жизни самой массы и явилась, по мнению А. Б. Резникова, глубочайшим основанием того, что «консервативность. . . оказалась могучим оружием в революционной политической борьбе»⁴⁰, а консервативный в социальном отношении слой стал радикальным лидером всенародной политической революции.

А. Б. Резников, к сожалению, не попытался определить, в чем конкретно условия воспроизводства духовенства как сословия объективно совпадали с материальными условиями жизни огромного большинства. Высказанная им идея оказывается в прямом противоречии с тезисом А. З. Арабаджяна о революции 1978—1979 гг. как продукте «резкого обострения специфически капиталистических противоречий». В идеализированной А. Б. Резниковым картине «живой религиозной идеологии» нет места одному важному явлению, отмеченному А. З. Арабаджяном:

³⁵ См.: Там же, с. 28.

³⁶ См.: Там же, с. 14—38.

³⁷ См.: Там же, с. 179.

³⁸ А. Б. Резников. Указ. соч., о. 135.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, с. 137.

шахские реформы 60—70-х годов и курс на ускоренную модернизацию «поставили различные слои буржуазии (крупной, средней, мелкой) в очень неодинаковое положение», завязав «сложный узел противоречий между различными группами капитала»⁴¹.

Кто действовал в революции кроме «гегемона»? Наиболее определенно на этот вопрос отвечают С. Л. Агаев и Р. А. Ульяновский, чьи позиции в этом пункте практически совпадают. Во-первых, «люмпены и сельские мигранты», составившие «главную ударную силу массового движения»⁴², во-вторых, прослойка «мелкого и среднего торгово-предпринимательского капитала»⁴³.

Двойственность мелкобуржуазно-люмпенского социального массива, по мнению Р. А. Ульяновского, послужила источником «дифференциации весьма условного и относительного единства политических сил революции»⁴⁴. Сила же шиитского духовенства, считает С. Л. Агаев, состояла в том, что оно сумело выдвинуть программу, выразившую «в наиболее доступной массовой сознанию форме самые насущные требования национально-демократической борьбы», — программу «исламско-интеграционистскую по политическому содержанию и мелкобуржуазно-популистскую по социальной ориентации»⁴⁵. Более обобщенно С. Л. Агаев характеризует эту программу как «популистско-интеграционистскую»⁴⁶.

Авторы, специально исследовавшие тегеранское восстание (М. И. Крутихин, Л. Е. Скляр, А. Б. Резников), не склонны, однако, как это делают С. Л. Агаев и Р. А. Ульяновский, видеть «главную ударную силу» революции в люмпенах и сельских мигрантах. Непосредственным инициатором, гвардией и авангардом «одного из самых крупных восстаний века»⁴⁷, как отмечает М. И. Крутихин, были прежде всего части хомафаров (персонал наземного обслуживания авиатехники в иранских ВВС, приравнявшийся к младшим офицерам) и вооруженные отряды марксистской «Организации партизан-федаев иранского народа». Некоторые авторы (Л. Е. Скляр) отмечают также роль в тегеранском восстании исламо-прогрессистской («исламо-марксистской», по характеристике шаха) «Организации борцов-моджахедов иранского народа».

А. П. Шестаков, изучавший политическую роль младших офицеров в иранской революции, подчеркивал, что институт хомафаров, учрежденный в 1968 г. в связи с программой модернизации шахской армии, открыл путь в привилегированную офицерскую прослойку «выходцам практически из всех слоев и социальных групп иранского общества»⁴⁸. Младший офицерский унтер-офицерский состав ВВС формировался в основном из числа небогатых образованных горожан с большой долей среди них выпускников высших технических учебных заведений и средних школ с техническим уклоном.

О характере другой силы, сыгравшей решающую роль в февральской победе иранского народа, — марксистской организации фодаев — дает отчетливое представление их «программа-минимум», опубликованная в одной из столичных газет через два дня после завершения восстания и подробно излагаемая Л. Б. Резниковым. Программа требовала безотлагательно осуществить комплекс радикальных мероприятий, направленных на углубление победившей политической революции и превращение ее в революцию социальную, а именно: сломать старую государственную машину, создать на базе вооруженных организаций массовую новую армию, разорвать неравноправные империалистические договоры, национализировать собственность династии Пехлеви, а также крупного иностранного и местного капитала с передачей прав по управлению национализированной собственностью комитетам рабочих и служащих, образовать рабочие советы, провести демократическую земельную реформу, ввести полную свободу слова, печати, собраний и

политической деятельности, предоставить права всем национальным и религиозным меньшинствам Ирана и др.⁴⁹.

Оценки движущих, в том числе авангардных, сил революции высказываются в обозреваемой литературе таким образом, что они как бы не противоречат друг другу. Одна позиция: «Большинство участников революции составляли темные, невежественные массы»⁵⁰. Другая позиция: «Самый чувствительный удар по силам монархии» нанес фабрично-заводской пролетариат, сыгравший «решающую роль» в падении старого режима⁵¹. Оба эти взгляда кажутся совместимыми: пролетариат в авангарде, он наносит решающие удары, но мелкобуржуазно-люмпенская масса темна и невежественна, а духовенство влиятельно и обладает большим опытом демагогии, поэтому, свергнув Шаха при опоре на народ, оно затем предаст народ, по очереди расправляясь со всеми, кто не с ним, а заодно и с теми, кто, подобно Народной партии Ирана (НПИ), неизменно заявлял о верности «народной линии имама», и, наконец, устанавливает режим теократии.

Но даже при таком теоретически «благополучном» сведении концов о концах остаются-таки «проклятые» вопросы: куда исчезла после победы февральского вооруженного восстания классовая мощь организованного иранского пролетариата, нашедшего силы осенью 1978 г. парализовать монархический режим и экономическую жизнь страны? как готовилась и стала возможной кровавая расправа победителей не над монархической контрреволюцией, но над товарищами по победе — над десятками тысяч иранских демократов и марксистов, как над теми, кто вплоть до 1982 г. неизменно призывал следовать «народной линии имама Хомейни»⁵², так и над теми, кто уже в августе 1979 г. предупреждал, что над страной стучатся «тучи фашизма»⁵³, а летом 1981 г. дал последний, отчаянный по своей обреченности, бой исламскому режиму?⁵⁴

На эти вопросы дается один ответ: «...отношения между тремя основными отрядами левых сил (НПИ, фодаи и моджахеды. — В. М.) характеризовались отсутствием каких-либо официальных контактов или тактических союзов, взаимным отчуждением, а подчас и неприязнью»⁵⁵. Но достаточен ли такой ответ сегодня? Достаточно ли сказать, что «два противоположных курса в отношении духовенства», уже в феврале 1979 г. вполне определившиеся в лагере левых, вытекали из разногласий насчет того, полностью или нет исчерпало духовенство свои прогрессивные потенции?⁵⁶

Эти «два курса» весьма содержательно описаны в одной из статей С. Л. Агаева⁵⁷.

НПИ сразу же после февральской победы положила в основу своей политики безусловную поддержку «революционного, антиимпериалистического курса имама», видя в нем лидера, представляющего «народное большинство»⁵⁸. Партия отстаивала тезис о фактической идентичности религиозной концепции не разделенного классовыми конфликтами «однородного общества» и марксистского идеала бесклассового общества⁵⁹. Со своей стороны организации фодаев и моджахедов, но разделявшие эту позицию, поддержали программу созданного в марте 1979 г. оппозиционного левоцентристского Национально-демократического фронта, куда коммунисты не вошли.

В августе 1979 г. режим нанес первый мощный удар по левым силам. Сторон-

⁴⁹ См.: Л. Б. Резников. Указ. соч., с. 128—129.

⁵⁰ Р. Ульяновский. Судьба иранской революции, с. 104.

⁵¹ См.: А. Арабаджян. Указ. соч. — Азия и Африка сегодня. 1986, № 3, с. 34.

⁵² См.: С. Л. Агаев. Левые силы и исламская революция в современном Иране, с. 341, 353, 301, 304.

⁵³ См.: С. Л. Агаев. Иран: рождение республики, с. 230.

⁵⁴ См.: С. Л. Агаев. Левые силы и исламская революция в современном Иране, с. 358—359, 362—363; Л. Е. Скляр. Указ. соч., с. 215.

⁵⁵ С. Л. Агаев. Зигзаги иранской революции, с. 47.

⁵⁶ См.: Р. Ульяновский. Судьба иранской революции, с. 109.

⁵⁷ С. Л. Агаев. Левые силы и исламская революция в современном Иране.

⁵⁸ Там же, с. 340.

⁵⁹ Там же.

⁴⁸ А. П. Шестаков. Указ. соч. — Азия и Африка сегодня. 1986, № Я, с. 34, 35.

⁴⁹ С. Л. Агаев. Зигзаги иранской революции, с. 44.

⁵⁰ Р. Ульяновский. Иранская революция и ее особенности, с. 110.

⁵¹ С. Л. Агаев. Левые силы и исламская революция в современном Иране, с. 332.

⁵² М. И. Крутихин. Указ. соч., с. 124.

⁵³ А. П. Шестаков. Указ. соч., с. 220.

вики аятоллы Бехенги из «Хезб-е аллах» (Партия аллаха) разгромили штаб-квартиру организации федаев, совершив также нападения на поместья НПИ и моджахедов. Одновременно были закрыты более 20 левых, либеральных и других **нерелигиозных** газет (в том числе две, принадлежавшие коммунистам)⁶⁰. «После августовского удара по левым и либеральным силам. . . — пишет С. Л. Агаев, — между руководством (Исламской Республики Иран. — В. М.) и народом возникла пропасть»⁶¹, однако и это не повлияло на курс НПИ!

В сентябре 1979 г. запрет на деятельность НПИ был снят, и она оказалась «единственной официально легализованной левой организацией»⁶². В то же время моджахеды и федаи ушли в подполье. Принятая в декабре 1979 г. конституция «фактически установила в Иране теократический режим»⁶³, но коммунисты по-прежнему считали, что главное «не религиозная форма революции, а ее социальное содержание, являющееся народным»⁶⁴. Во второй половине 1981 г., когда моджахеды ответили на устранение президента Бахисадром волной антиправительственного террора и, по сути дела, объявили режиму войну, а власти обрушились на них удары, «превзошедшие по размаху и числу жертв все предпринимавшиеся до сих пор аналогичные кампании»⁶⁵, НПИ все так же относилась моджахедов — как «левых оппортунистов» — к лагерю контрреволюции, отстаивая «единство действий мусульманских борцов — последователей линии имама Хомейни и истинных приверженцев научного социализма»⁶⁶.

Стабилизация теократического режима в Иране в 1982 г., пишет С. Л. Агаев, проходила под знаком чистки «членов и сторонников всех левых организаций. . . из административного аппарата и с более или менее важных постов в промышленности, из вузов и т. п.»⁶⁷. Однако в октябре того же года в заявлении ЦК НПИ по-прежнему выдвигался тезис о единстве «революционных исламских сил, поддерживающих линию имама, со всеми другими революционерами, особенно со сторонниками научного социализма»⁶⁸. Деятельность этих последних была оборвана несколько месяцев спустя, в феврале—мае 1983 г., когда, арестовав тысячи членов и сторонников НПИ, режим нанес завершающий удар по остаткам тех левых, которые еще действовали легально. Спрашивается, есть ли основания характеризовать все это (уже в 1985 г.) как «резвую оценку» левыми реальной ситуации при имевших место «тактико-стратегических просчетах»?⁶⁹

Вопросы остаются, не уходя из памяти, требуют поисков ответа, . . .

В заключение несколько кратких замечаний о том, что представляется автору обзора типичными ошибками в оценке хода иранской революции, и о гносеологических корнях этих ошибок.

Можно задним числом упрекать иранских левых за их разьединенность; можно сожалеть о том, что верх в революции не взяли либералы и «резвомыслящие», а близорукость и фанатизм толп не позволили Бахтияру-Керемскому реализовать предоставившийся ему шанс; можно верить в то, что ислам волею Хомейни и его окружения был магически преобразован из орудия выражения народной воли в орудие теократической диктатуры и т. д., но все это оставляет в стороне главный вопрос (закрывающий и возможность извлечения главного урока): как могло произойти, что всенародный порыв к свободе и обретение свободы в революции обернулись массовым террором фанатичных мулл?

На неразрывную связь шахской революции сверху о революцией 1978—1979 гг. указывалось в советской литературе многими, и не один раз. Но, может быть, недостаточно ограничивать анализ диалектической пары «революция сверху —

⁶⁰ С. Л. Агаев, Иран: рождение республики, с. 232, 240.

⁶¹ Там же, с. 280—281.

⁶² С. Л. Агаев, Левые силы и исламская революция в современном Иране, с. 349.

⁶³ Там же, с. 352.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, с. 359.

⁶⁶ Цит. по: Там же, с. 361.

⁶⁷ Там же, с. 303.

⁶⁸ Цит. по: Там же, с. 364.

⁶⁹ Р. Ульямовский, Судьба иранской революции, с. 106.

революция снизу» категориями только философского порядка («базис», «надстройка», «формация»)?

. Вроде бы известно: революция сверху — это и н о б ы т и е р е в о л ю ц и и, ее изнанка, контрнаступление верхов в обострившейся классовой борьбе, когда «форма» и «содержание» меняются местами, революционное содержание становится формальным, а реакционная форма содержательной. Косой на камень **нашла утопия «великой цивилизации»**, овладевшая сознанием коронованного революционера, каким был шах, на утопию всеобщего благоденствия в рамках «исламского государства». О столкновении этих двух утопических проектов и их власти над умами можно было бы сказать многое, но нас сейчас занимает другое,

«Белая революция», как и всякая революция сверху, стремилась быть социальной, принципиально неполитической революцией. Ценой быстрого социального обновления, затевавшегося «наверху» и сверху проводившегося, стало в шахском Иране репрессивное подавление всякого «отклоняющегося» политического поведения. Революция сверху — это реакционная утопия преобразования народа без его, народа, спроса и участия. Иранский взрыв 1979 г. не был осуществлением плана по «подтягиванию» авторитарной надстройки к либеральному (капиталистическому) базису, ие был он и стихийным механизмом такого подтягивания: это была историческая расплата за антинародный, реакционный утопизм верхов шахского режима, за тот политический маразм, в который погрузила страну преобразовательная энергия коронованного революционера. «Сверху» была в Иране растянувшаяся на 15 лет революция-репрессия; «снизу» — охватная вспышка политической энергии масс (жопившейся, кстати, в изломах шахских преобразований), мощная, но крайне непродолжительная революция-праздник, ничем и никем не ограничиваемая в готовности разрушать и мстить.

Представляется, что в нашей литературе запутан вопрос о г е г е м о н и и. Гегемоном революции может быть только революционный класс, а не какая угодно социальная группа. Гегемония осуществляется тогда и только тогда, когда такой класс выработался всем ходом социально-экономического и общественно-политического развития. У нас же гегемония сплошь и рядом путают с политическим лидерством, которое могут осуществлять (в отсутствие гегемона) и интеллигенция, и духовенство, и определенного типа революционные меньшинства.

Начисто выпала из работ советских авторов при рассмотрении событий 1979—1983 гг. в Иране проблематика «государство и революция», предполагающая анализ того, как вопрос о власти, этот коренной вопрос всякой революции, стоял до и после февральской победы, проложившей наиболее глубокий рубеж во всем иранском революционном процессе. На этом стыке двух аспектов — государственного и революционного — анализу подлежит «раздвоение единого», когда взгляду аналитика предстают два государства (старое, свергаемое и новое, после-революционное) и две революции (революция, штурмующая старый режим, и революция, мирно или немирно упорядочивающая отношения власти и собственности на новых — послереволюционных — классовых основаниях).

Точно так же парадоксальный комплекс «социальный консерватизм — политический радикализм», явленный в революции духовенством, нельзя анализировать в отрыве от г р а ж д а н с к о й в о и н ы к л а с с о в, развязанной в Иране /февральской победой. Опирируя представлениями сначала об «интегризме», «популизме» и «народной линии имама», затем — о «специфически капиталистических противоречиях», мы в обоих случаях ободняем живую историю схемами. Нужно признать, что в нашем распоряжении нет понятийного аппарата, который позволил бы анализировать архаическое сословие докапиталистического общества (шиитское духовенство) одновременно в двух измерениях, когда это сословие способно и выступать как сословное целое, и отчетливо дифференцироваться в и у т р и с е б я по законам современного классового и политического размежевания (например, как это было поело февраля 1979 г., по вопросам «вейлайят-е факих», или верховного правления духовенства, национализации внешней торговли, аграрной реформы, свободы печати и др.). Точно так же мы испытываем определенные затруднения, когда факты явно требуют описать один из важнейших институтов современного Ирана. . . «базар» — по как скоплению «традиционного»,

а как генетически архаичное, структурно сложное и многоукладное социальное образование, функционирующее не по законам «капитализма вообще», а по законам данной, именно иранской капиталистической экономики.

Наконец, серьезно мешает нам в понимании иранской революции и распространенный метод проекции результата (например, теократической диктатуры) на весь предшествующий ему процесс. В таких случаях, когда итог ясен, он представляется обыденному сознанию заданным изначально, причем заданным, как правило, исключительно действиями тех сил, которые в настоящий момент политически возобладали (так, примерно, описывается многими авторами процесс создания «теократической системы правления» в Иране).

Можно предположить (в порядке гипотезы, требующей более основательных фактических подтверждений, чем те, которыми мы располагаем), что революция 1978—1979 гг. в Иране была *н а р о д и о и б у р т у а з и о - Д с м : о к р а т и - ч е с к о й*, которая, как и всякая такого типа революция с участием рабочего класса и его партии, несла в себе семена двух тактик, альтернативу двух путей; и это была также революция, достижения которой были в процессе гражданской войны классов в послереволюционном Иране обращены и против народа и против демократии. Но как и когда этот итог стал неизбежностью — остается для историка открытой *проблемой*.